

РЕПЕТИЦИЯ

Рассказ

1

Из-за множества лестниц с начищенными латунными перилами в облике гостиницы было что-то корабельное. И это сходство усиливала вереница флагштоков перед входом.

Мебель в номере, изготовленная из светлого дерева, как бы побелевшего от соли и солнца, тоже создавала ощущение морского путешествия: вроде просторной каюты.

Это была из тех дорогих гостиниц, где в лифтах и туалетах всегда играет тихая приятная музыка.

Они побросали дорожные сумки, съели в баре по слоенному треугольничку, полюбовались с террасы видом ночного залива, похожего в расплывшихся по воде разноцветных огнях на развернутый дамский веер, и зашли в салон.

Там перед пустыми диванами и креслами уже играли нанятые гостиницей музыканты, скрипка и фортепьяно.

Из керамической кадки торчало растение с крупными листьями, украшенными светлым желтоватым рисунком, похожим на рентгеновские ребра.

На диване под горевшим бра сидела одиноко девушка с таким тонким лицом, что когда она поворачивалась в профиль, у нее просвечивал носик.

Расползшийся с наступлением сумерек по парку парфюмерный запах жимолости затекал в открытые ради вечерней свежести окна.

И алая вишенка на дне стакана преломлялась в широких гранях, так что казалось, что их там три, а то четыре.

Они послушали примерно треть программы и пошли к себе спать, как раз когда салон начал заполняться постояльцами.

А утром, когда он брился, позвонили и сказали, что прошлой ночью тетя Лёля умерла и что похороны в пятницу.

– Ты поедешь? – его спутница, отражаясь голыми плечами в зеркале, перестала возиться с завязкой в волосах, опустила руки и посмотрела внимательно.

Он кивнул.

– Я с тобой.

– Не надо. Купайся. Я быстро вернусь.

Он вышел на маленький балкон. Мимо, всплеснув крылышками, пролетела ласточка.

Линия гор как всегда напоминала чей-то запрокинутый профиль.

По зеленоватой глади моря в такую рань уже гарцевал водный мотоцикл, и полотеник уже прикатил к бассейну свою клетку, набитую полотенцами.

Какой-то постоялец в красной махровой тоге стоял там и трогал воду ногой, точно размышляя, не пойти ли по ней аки посуху. Но потом сбросил халат и просто нырнул с бортика.

Он позвонил в турфирму и растолковал насчет билета.

Они пошли завтракать. Больше всего он любил этот утренний пронизанный солнцем час на открытой террасе ресторана.

Завтрак тут сервировали на маленьких соломенных рогожках, раскатывая их на круглом мраморе столов.

Он взял себе яичницу, кучку морщинистых красноватых маслин и что-то вроде заячьей капусты, политой простоквашей, а она отправилась за омлетом, который здешний повар стряпал со множеством приправ и, чтобы перевернуть, высоко подбрасывал на сковородке.

На плетеную спинку ее пустого кресла уселась нахохленная воробьяха, повела круглым глазом, увидела, что хлебных крошек еще нет и, как ему показалось, зевнула.

За соседним столом громадный парень в красной майке с надписью «Reebok» поедал груды коричневых сосисок, и за его тяжелым силуэтом сверкал в пальмах залитый солнцем безукоризненно прекрасный мир, который ему предстояло на время покинуть.

Было уже начало одиннадцатого, когда они пришли на пляж. Фелюки и яхты, вышедшие час назад из спрятанного за мысом маленького порта, как раз бежали вперегонки вдоль берега на острова. Они тоже так пару раз плавали. Когда сидишь верхом на бушприте, вечно набивается полный рот ветра, и становится весело.

У воды, силуэтами на блестящем солнце, перемещалась масса ладно выточенных женских фигур.

Скутер прыгал и вертелся на волнах.

Появился и принялся заглядывать, улыбаясь, под каждый зонт молодой вертячий негр, затейник и весельчак, предназначенный устраивать всякие пляжные игры.

За ним, пружиня на каждом шагу, прошла босиком девушка с волейбольным мячом в руках.

Он пытался представить себе лицо тети Лёли, но припомнил фотографию. Там она снята вместе с дядей как раз в тот год, когда его первый раз в жизни повезли на море и катер перевернулся и папа с мамой утонули, а они с дядей приехали забрать его из Ялты.

Она вошла тогда в их комнату в пансионате, где он лежал, вытерла платком стул, села, оглядела комнату и сказала: «Какие занавески дрянные».

У них с дядей были очень красивые занавески в цветах, и в той комнате, где его потом поселили, тоже. Тетя говорила, что полгода их выслеживала.

Сигарета, как это всегда бывает на ветру, курилась быстро и невразумительно. В лодочный затон между пирсами вошла яхта, обрушила в воду якорь и принялась спускать лодку.

В ее черном блестящем корпусе отражалась вода, отчего он казался зеленоватым.

Какая-то женщина выходила из моря, балансируя на скользких камнях, как девочка на шаре.

Он обернулся и стал смотреть в сторону бассейна, к которому его подруга шла по квадратным плитам босиком, а потом, поплавав, обратно, оставляя на светлом камне темные мокрые следы.

Они встречались уже несколько лет и каждое лето вместе путешествовали, когда она отвозила сына к бывшей свекрови пожить на даче.

Она улыбнулась ему и нагнулась за сухим купальником, показав в вырезе пляжного балахона еще молодую грудь.

Небо, и без того ясное с утра, совсем очистилось, и единственное юркое облачко, похожее на белую мышку, убежало за хребет.

Он подумал, что ему предстоит вознестись туда, где за бортом вечные минус пятьдесят.

Это было, как если б сказали, что послезавтра вечером душа его будет забрана из этого мира.

Яхта с полосатым крылышком все так же чертила по трехцветному морю.

Девушка в черном купальнике и красной бейсболке плескала обеими руками в двух шагах от берега, сидя на своем матрасе верхом, как на широком мотоцикле. Или как Европа на быке.

Какой-то дядька на основательных ногах все не решался зайти и нагнбался зачерпнуть на шею и плечи.

Двухлетняя малышка пробовала воду крошечной ногой, взмахивая от старания розовыми крылышками.

Шведки лежали, грудями сложив на солнце свои окорока.

Немка, мать двойняшек, все надувала им прозрачный плавательный круг.

Даже сюда доносилось, как винтовой желоб выплевывает в бассейн друг за дружкой визжащих купальщиков.

Но он все это видел как бы через толщу воды. Будто он уже погрузился, и от воздуха его отделяет прозрачная не пропускающая звуков стена, вроде аквариумной.

Когда дядя умер, тетя сразу обменяла их двухкомнатную на большую однокомнатную в «генеральском» доме: ей всегда хотелось жить в генеральском. И там для него уже не было места, и он вернулся в ту комнату, где они когда-то жили с папой и мамой, а тетя эти годы ее сдавала.

Потом, когда у них все так плохо с первой женой сложилось, она как-то так сделала, чтобы рассориться, и десять лет не звонила. Пока не заболела суставами и ей стало нужно помогать.

За эти годы у нее откуда-то появился двоюродный брат, о котором раньше ничего не было слышно. Она его звала «ку-у-зэном» – чуть нардеп и как бы с французским прононсом – и видно было, что он свой человек в доме. Он часто даже ночевал, постелив на диване.

Ку-у-зэн, как выяснилось, уже двадцать лет строил какую-то необыкновенную дачу. И говорил только про нее. О равноуровневой планировке, герметических окнах для мансарды, полимерной черепице, системах отопления, гаражных воротах с подъемником и каминах. Он не пропускал ни одной строительной выставки, а когда удавалось, пробирался на архитектурные конференции и возвращался с целыми сумками буклетов. Тетя, хотя из-за суставов не могла съездить и посмотреть стройку, слушала его с восторгом. «Ты же понимаешь, – объясняла она, – это будет настоящий коттедж» (она произносила через «э»).

Кузен сразу принялся называть его ласкательным именем, смотрел из-под кустистых седых бровей маленькими водянистыми глазами и все повторял: «Она тебя вырастила».

...Ему представилось бледное, будто спящее лицо тети, прозекторская и блестящая скальпель в розовой сукровице, который в этот миг добирался до злополучного тромба.

Утром в четверг на коврик под дверь он нашел просунутую туда записку на бланке турфирмы. По-русски с орфографическими ошибками подтверждали вылет ночным рейсом.

Большое дерево, вроде акации, цвело пушистыми нежными цветами, будто его облепили розовые колибри.

Садовник возился вокруг стриженного куста, похожего на большую зеленую черепаху, утыканную мелкими оранжевыми граммофончиками.

Какие-то жаркие лиловые языки напоздали на кирпичную стену пляжной харчевни.

И он подумал, что надо прожить последний день как бесконечный. Так, будто их нескончаемая череда впереди.

Лакированная двухмачтовая яхта с двумя флагами на корме, пришедшая в первый день, теперь придвинулась к пирсу и стала обитаемой.

На корму вышла девушка с тоненькой золотой цепочкой на толстой лодыжке, встала у веревочных перил спиной к пляжу и стала смотреть на море. Подол юбки, движимый ветерком, чуть колебался у ее смуглой ноги. Потом она ушла обратно в каюту.

Пять поваров в белоснежных крахмальных гребнях на головах, держа на вытянутых руках накрытые серебряными колпаками подносы, гуськом проследовали по пляжу и свежeweкрашенным доскам пирса и взошли на яхту, доставив ланч.

Поднимаясь на борт, они, точно у входа в японский дом, снимали обувь.

Он не мог оторвать глаз от безукоризненно ровной черно-синей линии горизонта с единственным крошечным изъяном, обозначившим заснувшую там вдали рыбацью лодку.

А если раскинуться на горячей гальке и закрыть глаза, и правда чувствуешь себя лежащим на громадном шаре – нагретом, летящем в солнечных лучах, облепленном со всех сторон морями, материками и островами с пальмами.

Быть может, человек вообще создан для безделья? Ну, как это было тогда, в Раю.

Тут даже море не плещет, а лижется...

В тот день они сплавали далеко-далеко. Так далеко, что музыка с разных пляжей перепуталась, и со стороны берега доносилось что-то вроде звона и звяканья, как из ресторанной кухни, когда ссыпают в мойку посуду.

А потом пошлись вдоль пальм, поблескивавших металлическими бирками, приколоченными к волосатым ногам, и поднялись в бар.

На мраморной террасе за ажурным чугунным столом несколько пожилых француженко играли во что-то, разложив цветные картонные таблицы с фишками. «Дамы, играющие в лото», – мысленно усмехнулся он. Неизвестный художник...

Два мальчика лет пяти-шести сидели, как два мужичка, у стойки, прихлебывая детские коктейли неоновой расцветки.

Внизу, убажывая постояльцев, официант в цветной жилетке и бабочке все толкал вокруг бассейна свою тележку с запотевшими бутылками в никелированных лоханках, набитых льдом.

И ему пришло в голову, что это не навсегда.

Придет время, и одуванчики и репей все равно пробьются через мраморные плиты ступеней. Стены разрушатся и оплывут, и на камнях усядутся стрекозы. Пальмы с бирками высохнут и упадут, их съедят жучки. Бассейн засыплет здешним серым песком, и там, в колючей траве, будет стрекотать кузнечик и шуршать черепаха. И чугунная тонкая решетка, отделяющая террасу от моря, рассыплется в прах, и море поглотит мостки с железными лесенками, опущенными в воду, а пляж сравняется с террасой, на которой теперь хлопочут официанты, хлопком расстилая скатерти и раскладывая по плетеным креслам подушки к грядущему ужину...

Со стороны пляжа донесся хруст складываемых в штабель пластмассовых лежаков – будто кто-то с треском пролистнул громадную карточную колоду.

Белый катер ныряльщиков давно вернулся и стоял у причала, развесив на корме черные прорезиненные костюмы, точно проветривая шкуры, снятые с отловленных водолазов. Он был похож на промысловое судно.

Солнце скатывалось к вершушкам пальм, и прислуга в белых коротких штанах закрывала пляжные зонтики, один за другим, как цветы на ночь.

Приодевшись в легкие пиджачки и платья, народ прохаживался по выложенному разноцветными плитами холлу в ожидании мига, когда отворятся высокие двери, за которыми в это время старший официант последний раз обходил столы, поправляя то тут, то там прибор или салфетку, – так церковные служки с озабоченным видом обходят амвон, переставляют что-то и поправляют свечи перед началом большой пасхальной службы. Да всеобщий семичасовой обед в гостиничном ритуале и есть что-то вроде ежевечерней Пасхи.

Пока постояльцы ужинали, скрипачка с голыми плечами играла Моцарта, а в промежутках стояла возле своего пюпитра, наклонив смычок, как удочку.

Потом немцы отправились в бар смотреть футбол, прихлебывая пиво и вскидывая руки всякий раз, когда человек с мячом приближался к воротам.

На нижней террасе тщательно взлохмаченные молодые англичанки поедали мороженое.

С внешней стороны балюстрады прошел гладенький содержатель здешнего рая в алой рубашке, черных брюках с лаковым ремнем и таких же штиблетах.

Заглянула, не увидела никого из знакомых и ушла дородная французская дама в маленьком черном платье, похожем на купальник.

Его подруга взяла сок, а он заказал коктейль пронзительно розового цвета и такой же на вкус. Попробовал и не стал пить.

«Надо будет на памятнике дописать, там есть место», – подумал он.

Высокие остроконечные кусты цвели чем-то вроде рождественских гирлянд. Горлинки, расправив короткие крылышки, катались на встречном ветерке.

Из глубины парка металлическим голосом закричал сидевший там в клетке павлин. Звук был похож на скрип тяжелых гаражных ворот, даже удивительно, что его исторгала тонкошеяя птица.

На какое-то время сделалось безлюдно, и только две одинаково круглолицые, с выщипанными бровями и обгоревшими носами подружки, утром лежавшие возле них на пляже, все бродили кругами у бассейна в надежде на свое курортное счастье.

3

Автобус выкатил из гостиницы как раз в тот миг, когда из тягучего ночного моря, точно из блюда с вареньем, выползла перемазанная вишневым сиропом луна.

Проехали через курортный городок, где толпился народ и всю светились и сверкали лавки с голдешником и надувными матрасами.

Розовый и белый олеандры пятнали деревянную решетчатую стену кофейни.

В плетеных креслах сидели образованные турки со своими разноцветными газетами.

– Бизнес? – понимающе спросил в аэропорту агент турфирмы, передавая билет.

– Хуже...

– Вы не похожи на русского.

Его вечно принимают за голландца.

Накопитель перед выходом на посадку напоминал приемное отделение больницы.

Наконец объявили, и он сел и вытянул ноги в полупустом самолете.

Ему не хотел спать.

Почему говорят «на тот свет»? Он оставил море, берег и свою женщину навсегда. Он летел в ту тьму.

В овале иллюминатора белым жестяным светом сверкала вдогонку луна и торчали звезды – в детстве, когда они забирались в темный сарай, так светились дырочки от гвоздей, и казалось, что наступила ночь, так что делалось страшно, и они сидели, затаив дыхание, пока мрак вдруг не распахивался широкой яркой щелью, и там стоял отец в клетчатой рубашке.

Внизу было навалено без числа подушек, подсиненных лунным светом.

На белом самолетном крыле сидел на корточках ангел и молча смотрел в сторону луны, задумчиво пощипывая выбившееся из-под локтя перышко.

4

Эта вечная маленькая толпа перед моргом, переминающаяся на мокром асфальте, слегка замусоренном фиолетовыми и белыми лепестками, отпавшими от цветов.

Нет, это еще предыдущая. Их совсем крошечная: трое, нет, четверо. Вместе с ним пятеро.

Сверху моросило, и небо казалось заваленным землей.

Поехали в церковь.

Отпевание было фантазией кузена. Тетя Лёля ни во что не верила.

Отпевал молодой, но уже плешивый попик. Казалось, он всего больше был озабочен тем, что кадило плохо разгорается: беспрестанно подкладывал туда кусочки ладана, принимался махать, наспех прочел то место из Евангелия, где говорится о воскрешении мертвых после Суда, и в завершение сунул в гроб шпатель для предстоящего экзамена перед Господом.

От горящей в руке свечи воздух перед глазами дрожал, и казалось, что грудь лежащей в гробу дышит.

Потом гроб пронесли мимо мраморных и бронзовых бюстов футболистов, балерин и каких-то бандюг, изваянных кладбищенским Микеланджело. В дальний угол, где у них сохранился участок и где было так тесно, что приходилось на руках переносить через ржавые решетки. И закопали рядом с дядей.

Кроме кузена была молодая щекастая баба, которую тот называл «моя помощница», кажется, его дальняя родственница, приезжая. Она жила в недостроенной даче. Он видел ее у тети раза два. Потом соседка по генеральской квартире, накрашенная дама в черной кружевной накидке. А еще давняя тетина подруга, последняя, с кем она поссорилась, но все-таки та звонила ей на Новый год. На кладбище она не поехала, а из морга отправилась готовить стол и встретила их в дверях тетиной квартиры, вытирая мокрые руки о фартук с большой синей розой.

Дядиных друзей никого не было, да она еще при нем всех как-то отдалила. Одному он позвонил оттуда, с моря, но тот, оказалось, сам в больнице.

С тетиной тахты, на которой та все больше лежала последние годы, убрали постель и положили гобеленовые подушки, еще бабушкины. К круглому столу

приставили ломберный и накрыли льняной скатертью. Сели кто на тахту, кто на придвинутый диван, а кузену поставили кресло.

– Ну... скажи ты первый. Она тебя вырастила.

– Она ведь все своими руками. Вот эту шкатулку покрасила белым, стала как импортная...

– Я и говорю: вам бы прилечь...

– Это когда олимпиада была, в восьмидесятом...

– А у нас ее укусом заправляют...

– Тогда ничего достать было нельзя. Ей из Риги привезли...

– Такая в очках, крашенная...

– Какой хлопок – это ж настоящий хлопок!..

– Не то буддисты, не то нудисты, я не разобрала...

– Чего они только в этих электричках не возят...

– Перед самым уже папироску попросил... Все давился дымом, давился...

– Чудесный чернослив, по девяносто рублей кило...

– Теперь крышу делают вот так, зато увеличивается площадь мансарды...

– Я их на спирту настояла, да и позабыла... При простуде...

Стали смотреть фотографии, достали альбомы из теткиного красного комода. Потом кузен принес из прихожей каталоги с американскими коттеджами и принялся по ним объяснять.

Он позвонил в турагентство и узнал, что можно лететь прямо этой ночью, если сейчас забрать билет.

– Вот за похороны. Священнику я отдал...

Кузенова помощница записывала со слов соседки на бумажку какой-то рецепт.

Старая дядькина квартира, где он жил с ними двенадцать лет, еще сохранявшая следы бабушки, которую он еле помнил, была вправлена в эту генеральскую как бы осколками. Ну, как эти мозеровские часы с остановившимся маятником над югославской стенкой и рядом с дурацкой грузинской чеканкой.

Но уже что-то изменилось. А, исчез дедушкин натюрморт с синим кувшином на желтой скатерти. У дядьки картина висела над письменным столом, а тут, у тети, в простенке между окнами, вон и гвоздь.

А та фотография, где тетя с дядей вдвоем, в латунной рамке, висит. Он ее снял и положил в карман плаща.

Из агентства, где ему пришлось почти сорок минут ждать в обществе охранника, без конца жевавшего земляничную резинку, пахнувшую на весь коридор, он поехал к себе.

На письменном столе и на книжных полках уже легла пыль.

Он подошел к окну и раздвинул штору.

По набережной, то и дело вспыхивая желтыми глазами, полз, весь в дыму, железный диплодок и плевался горячим асфальтом в кузов ехавшего перед ним грузовика.

Вспугнутый им мотоцикл, хрюкнув, рванул с места и умчался в туннель.

Он попробовал было читать. Но буквы не складывались в слова.

Отчего-то вспомнилось, как года два или три назад, когда они так же ездили – в том отеле у них еще окно выходило, как в сезанновское полотно, в стволы громадных пиний, а прислуга, убравшись в комнате, выкладывала на постели из простыни что-то вроде оригами, – на четвертый не то пятый день у бассейна появился небольшого роста, замечательно сложенный смуглый, чем-то похожий на футбольного вратаря, француз, но говоривший со своей темноволосой женой по-английски. Оба в дорожной одежде, видно, только приехали, но мальчишек своих тут

же запустили в бассейн, а следом и он быстро скинул брюки и тенниску, разбежался коротко, успев на бегу повернуть лицо к жене и подмигнуть, и сиганул по безупречной дуге к ним в воду, а вынырнув засмеялся разом им всем троим – и всем вокруг бассейна стало весело. А днем или двумя позже она все ходила по каменной дорожке вдоль берега с застывшей улыбкой, разыскивая встревоженными глазами мужа, исчезнувшего в каком-то бунгало с подвернувшейся девчонкой...

5

В начале третьего снизу позвонило такси.

У стойки регистрации еще почти никого не было, и в полчетвертого утра он уже уселся в единственном курящем баре аэропорта. Взял пинту золотистого «хейнекена», тут же покрывшего пузатый бокал мелкими капельками испарины. Закурил. Оглядел венские стулья, как бы закопченные балки на потолке и ряды стеклянных кружек над деревянной стойкой. И вдруг почувствовал, что началось его возвращение в этот мир.

И даже звуки волынки, цедившиеся из колонок под потолком декорированного под ирландское заведение, показались ему веселенькими.

Онпил редкими большими глотками, с удивлением проснувшегося поглядывая по сторонам, и пока онпил, за окном светало. И отражения свисающих с балок матовых светильников в широком стекле уже принялись расплываться и превращаться в мутных медуз, висящих двумя рядами в светлеющем с каждой минутой небе.

Огромная спина соотечественника в раздувшейся футболке заняла высокий стул у стойки.

Появились три молодые польки, заказали кофе и принялись трещать на языке, состоящем из одних шипящих.

Толстенький немец за соседним столом, удивленно подняв седые брови и шевеля губами, читал детектив.

Он подумал, что немец немного похож на дядю. У дяди были такие же чуть выпяченные губы и запавшие глаза, как у отца, только все лицо мягче, и характер тоже.

А потом он стал думать о той, которая ждала его там, на море. И представил, как она приседает в купальнике, раскрывая пляжный зонт.

Он проснулся, когда самолет затрясло уже на земле, и лишь в следующий миг сообразил, что они еще только идут на взлет: рухнув в кресло, он провалился в пустоту после двух бессонных ночей и прозевал и «пристегните ремни», и бортпроводниц, демонстрирующих спасательные жилеты.

За иллюминатором, сливаясь в полосу, бежала бурая трава и мелькали какие-то не то фонари, не то вешки, самолет, дрожа всем телом, разбежался, и вдруг он мысленно увидел, как огромная машина сделалась поджарой и голенастой, вроде бегущего от собаки цыпленка-подростка, и тут же прыгнула в небо, нескладно поджав ноги.

Самолет и правда прыгнул, и растворился в посветлевшем предутреннем воздухе, и он растворился вместе с ним.

6

В следующий раз он проснулся, когда они уже и правда тяжело стукнули на бетон, и вся пристегнутая к своим сидениям разноцветная толпа, как обычно, зааплодировала.

8

Он вышел из самолета на трап в тот самый миг, когда тысячи маленьких муэдзинов разом запели в листве, восхваляя Создателя, и возвестили утро.

Он их не слышал и не видел, но знал, что они по всему побережью ликуют в зелени.

Автобус проехал через старый город, и видно было, как хозяйки вываливают на балконы ковры или вывешивают белье на протянутых веревках, а в углу балкона на табурете сидит сонный субботний турок.

Потом пошли громоздящиеся друг на дружку черепичные крыши бунгало с захластами виноградной зелени, наползающей с побеленных стен.

Небо было по-утреннему декорировано мелкими облачками. После их уберут за хребет, так хозяйка после завтрака подметает пол метелкой.

Он подумал о тете.

«Упокой ее небеса», – и перекрестился на мечеть.

Минуя рецепцию с девицами в фирменных галстуках отеля, он прошел сквозь мраморный холл, передвинул попавшееся на пути плетеное кресло и вышел наружу в парк.

Ища глазами, полюбовался миг, как прислуга со швабрами пытается стереть отражение пальм с мокрого камня у бассейна. И увидел ее на противоположной стороне.

Она обернулась к нему в своей летучей красной тряпке вокруг бедер, улыбнулась и помахала рукой.

<29.05.06 – 10.08.07>